

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В.Е. Щетнев

КРАЕВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Что такое краеведение? Наука? Движение? Коллекционирование фактов? Об этом задумывались все, кто сознательно соприкасался с краеведением, занимался им. А занимались им люди выдающиеся. Вот несколько имен: историки С.П. Платонов, Е.В. Тарле, Б.Д. Греков, И.М. Гревс, философы, ученые Н.А. Бердяев, А.В. Чаянов, А.Е. Фирсман, Н.Я. Марр, Д.С. Лихачев, художники, писатели К.С. Малевич, М.М. Пришвин, А. Белый, В.К. Арсеньев и многие другие. Существует много определений краеведения как научной дисциплины, многие из которых носят не случайно эмоциональный характер. Академик Д.С. Лихачев называл краеведение «самым массовым видом науки». Подчеркивая значение краеведения, Дмитрий Сергеевич обратил внимание на то, что «...краеведение вносит в окружение человека высокую степень духовности, для которой человек не может осмыслено существовать».

Академик Сергей Федорович Ольденбург, руководивший краеведческим движением в 1920-е гг., много говорил и писал о краеведении. Приведем одно из высказываний: «Краеведение – это та школа жизни, из которой человек не должен уходить до

конца своих дней, это та школа непрерывно сознательного отношения ко всему окружающему, учениками которой мы хотели бы видеть всю народную массу: и крестьянина, и рабочего, и красноармейца, и советского служащего, не исключая ученого».

И, наконец, не можем не привести слова Н.Л. Анцыферова, ученого и краеведа: «Кто же краевед? Ученый? Общественный деятель? Этого мало. Краевед ни то, ни другое, и отчасти и то, и другое. Это особый тип культурного деятеля с особой психологией. Это доброволец, и его труд есть прежде всего новая форма общественной деятельности. Кто такой гуманист эпохи Возрождения? Ученый? Художник? Общественный деятель? Политик? Все это не определяет профиль гуманиста. Так, в нашу эпоху краевед не подойдет ни под одну из существующих категорий культурных и общественных деятелей. Это человек, страстно любящий свой край, свою малую родину, Россию...».

Итак, краеведение представляется универсальной комплексной дисциплиной, соприкасающейся с рядом наук (историей, географией, экономикой, философией и др.), но не сливающейся ни с одной из них.

Наша задача – проследить взаимосвязь краеведения и исторической науки сквозь призму истории Кубани и Черноморья. Правда, справедливость требует сказать, что краеведение теснее всего связано с географией. Но различия с географией видны невооруженным глазом – география почти не воспринимается оценками явлений, меньше интересуется новыми людьми. Краеведение как раз оценивает события на определенной территории, изучает людей, их дела. Поэтому у краеведения на передний план выходит воспитательная функция.

Сложнее связи и различия краеведения и истории. Если иметь в виду местную историю, то разделительную черту между краеведением и историей трудно провести. Краеведение прошло более чем столетнюю историю. На этой «дороге» у него были несомненные успехи (в первой четверти XX в.) и трагедии (разгром и репрессии в 1930-е гг.), период латентного существования (60–80-е гг. XX в.) и, наконец, начало трудного возрождения (с конца 1980-х гг.).

Кубанское краеведение принято именовать кубановедением. Сегодня это обязательный предмет в школах Краснодарского края. С одной стороны, это свидетельство успехов кубанских историков, написавших и издавших серию школьных учебников по истории Кубани как для средних, так и высших учебных заведений, с другой – ответственность историков за качество изданного материала, формы его изучения в школах, коллед-

жах и вузах. Но исторических (как и географических) учебников мало. Нужен единственный учебник по кубановедению. В нем должны в единстве предстать история, культура, экономика, география, экология и другие компоненты кубановедения.

Сегодня, когда кубановедение преподается в школе как самостоятельный предмет, мы по-новому можем взглянуть на понятие «региональный компонент». Сделаем это на примере истории.

Термин «местная история» употребляется в разных значениях. В.О. Ключевский употреблял его как синоним истории отдельной страны. Сегодня термин «местная история» ассоциируется с историей края, области, региона. Из перечисленного заслуживает пояснений термин «регион». Иногда он совпадает с административно-территориальными границами местности (например, Краснодарский край можно назвать регионом, а его историю региональной историей). Чаще административные и региональные границы не совпадают (например – Кубань степная и Черноморье – два ярко выраженных региона).

Границы региона формируют сами люди. Поэтому справедливо утверждение, что регион это не территория, а совокупность людей. Эти люди из поколения в поколение самоорганизуются, воспроизводят связи между собой. При этом устанавливается связь людей со средой. Природная среда отражается и духовно образует сообщество. Можно ли в связи со сказанным определить

Сочи и окрестности как регион? Вне всякого сомнения, можно. Поэтому кубанские учебники должны быть дополнены своим «внутрикубанским» (или «внутричерноморским») компонентом.

Город Сочи имеет «молодую», достаточно самобытную историю, но при всем желании она не может быть изложена в учебнике по истории Кубани. Что из истории Сочи должно войти в общекубанскую историю? Зарождение курорта, история его развития, роль Сочи как госпитальной базы в годы войны, отдельные факты из послевоенной истории. Но сочинцы должны знать всю историю своего города. Поэтому они должны создать свой полноценный учебник. Если раньше для этого не было возможности, то сегодня в городе есть квалифицированные историки и педагоги.

Создание книги об истории города должно быть усилием как профессиональных историков, так и краеведов. Именно при разработке проблем местной истории наглядно выявляется разница между исторической наукой и историческим краеведением. Они выступают как целое и частное. Только краеведы в состоянии сосредоточить пристальное внимание на отдельных людях, зданиях, уголках природы, предприятиях и других конкретных объектах. Историк подойдет к решению проблемы шире – его заинтересуют специальные группы людей, хозяйство и быт, особенности городской (или сельской) культуры, общественно-политическая жизнь, менталитет и др.

Кубанская история и краеведение связаны не только тематически. Они призваны обогащать друг друга. Краевед может завершать исследование изложением событий, биографий, другой конкретикой. Историк обязан за этими событиями увидеть проявление глубинных происшествий, объяснить особенности кубанской (и не только кубанской) истории.

Среди особенностей кубанской истории назовем природно-географические, демографические, социально-психологические факторы.

Облик его жителей формировали природно-географические и климатические условия. После долгого периода недооценки названного фактора приходится напоминать об известных вещах. Силой, держащей в своих руках колыбель каждого народа, назвал природу В.О. Ключевский. Описанию природных, географических и климатических условий Кубани посвятил более ста страниц фундаментального труда «История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербина. Его вывод об особом влиянии природы Кавказа на человеческую историю сохраняет свою актуальность.

Существенным фактором, определяющим краеведение Кубанского края, был демографический. «История России есть история страны, которая колонизируется», – писал В.О. Ключевский. Колонизация Кубани и Черноморья осуществлялась не только позднее, даже в XIX в. при власти большевиков, но и «...не рассеялась, а переселялась», по

верному замечанию того же В.О. Ключевского.

Движение населения в разные периоды было то естественным, то искусственным. Последнее связано с историческими катаклизмами, в которых иногда была повинна власть (коллективизация, распад СССР и межэтнические конфликты и др.). Последствия демографических процессов были неоднозначны. С одной стороны, край пополнялся экономически и физически активным населением, с другой – людьми ненужными (вынужденными переселенцами, присланными на временную работу). Коренное население не успевало «переработать» (в социокультурном плане) прибывающий элемент. Другим отрицательным моментом были постоянные «миграции» номенклатуры (в советское время). Край в 1920–1930-е гг. пережил трагедию утери основного, самого дееспособного, ядра коренного населения. Историкам еще предстоит исследовать этот процесс.

Хозяйственное освоение края шло уже в период роста товарно-

рыночных отношений. Край, несмотря на причудливое сочетание капитализации с архаичными земельными отношениями, развивался динамично. Его социально-экономическая структура приняла вид «догоняющего аграрного региона в догоняющем государстве». Этот тип развития сохранялся в течение всего столетия. Сначала он преобладал в экономике, затем «перебазировался» в сферу науки, образования, культуры. Названные (и другие) факторы «...сообщали народной жизни особое направление, особый склад и характер» (В.О. Ключевский).

«Особый склад и характер» кубанца стал исторически складываться, но естественный процесс был прерван не только революцией, о чем уже говорилось, но и новым политическим строем и всем жизнеустройством («социалистическое общество»), константой которого была унификация. В ней переплетались как объективные тенденции, так и негативные влияния, вытекавшие из тоталитарного характера общества и государства.

А.А. Черкасов

ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ: СОЧИНСКИЙ СЛЕД

В зарубежной белоэмигрантской историографии существуют упоминания нескольких попыток спасения царской семьи. Их дата: конец лета 1917 г. – июль 1918 г. Ни одна из этих попыток

не увенчалась успехом. Об одном малоизвестном факте спасения царской семьи и пойдет речь.

В 1955 г. в Париже вышла в свет очередная работа белогвардейского летописца Р.Б. Гуля «Я